

ВЯТСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

№ 3.

1868 г.

Февраля 1-го.

ОТДѢЛЪ ДУХОВНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ.

Канонъ на Срѣтеніе Господне.

Въ заглавіи торжественнаго канона на праздникъ *Срѣтенія* Господня поставленъ стихъ шестистопный ямбическій, заключающій въ переводѣ на Русскій языкъ такую мысль:

«Христа радостно старецъ объемлетъ».

Этими немногими словами св. Козьма *Маюмскій*, мудрый писатель канона, опредѣлилъ какъ внутреннее содержаніе своего произведенія, соответствующее названію самаго праздника, такъ и внѣшній составъ канона, для котораго означенныя слова на греческомъ языкѣ служатъ акростихомъ.

Приступая къ прославленію радостнаго событія, воспоминаемаго церковію въ день *Срѣтенія* Господня, торжествующій Пѣснописецъ въ преизбыткѣ духовнаго веселія призываетъ небо и землю

и всѣ живыя существа—видѣть умиленное зрѣ-
лище, какъ единородный Сынъ Всевышняго Бога
является въ храмъ Іерусалимскомъ, сыномъ зем-
ной матери, какъ Создатель всего, сѣдящій на Хе-
рувимахъ превъше всѣхъ небесъ, приносится на
рукахъ Дѣвы Маріи въ возрастъ слабаго младенца,
и Виновникъ закона, не имѣющій ни малѣйшаго
грѣха, въ сороковый день по рожденіи подчиняет-
ся закону, данному для обыкновенныхъ смертныхъ,—
за тѣмъ живо изображаетъ трогательныя обстоя-
тельства самаго событія—срѣтеніе и принятіе изъ
рукъ пречистой Дѣвы Маріи Божественнаго мла-
денца старцемъ *Симеономъ*, и во всемъ канонѣ
преимущественно останавливается на лицѣ этого
праведнаго старца, прозваннаго *Богопріимцемъ*,
котораго вдохновенная рѣчь сдѣлала принесеніе въ
храмъ столь высокимъ и знаменательнымъ въ зем-
ной жизни нашего Господа. Просвѣщенный Ду-
хомъ Божіимъ и Богооткровенными внушеніями
ветхозавѣтныхъ пророчествъ и прообразованій, *Симеонъ*
устами Пѣснописца прославляетъ Божествен-
ное и неприступное величіе приносимаго Христа,
Свѣта язычниковъ и Славы Израиля,—приносящей
предрекаетъ будущія событія, свыше предопредѣ-
ленныя Ея Божественному Сыну для спасенія лю-
дей вѣрующихъ,—а обращаясь наконецъ къ самому
себѣ, съ неизъяснимою радостію старца, удостоив-
шагося видѣть лицомъ къ лицу давно ожидаемаго
Бога во плоти, изъясняетъ готовность—съ миромъ
отойти изъ временной жизни въ жизнь загробную,

ТРОБЫ и тамъ **возвѣститъ** **всѣмъ** уже наступившее спасеніе въ **лицѣ** Божественнаго младенца. Основаніемъ для изображенія обстоятельствъ празднуемаго событія служитъ сказаніе Евангелиста Луки, гл. 2, ст. 22—39.

Соотвѣтственно заглавному акростиху, котораго греческій текстъ содержитъ въ себѣ 32 буквы, этотъ канонъ состоитъ изъ 32 пѣснопѣній, т. е. 8 ирмосовъ и 24 тропарей, изъ которыхъ каждый въ греческомъ подлинникѣ и начинается буквою, заключающеюся въ акростихѣ, въ послѣдовательномъ порядкѣ. Писанъ этотъ канонъ языкомъ прозаическимъ, размѣреннымъ и приспособленнымъ къ пѣнію по 3 гласу, отличающемуся торжественною плавностію и умилительною трогательностію своего напѣва.

(«Богослуж. Каноны, изд. Е. Л.»).

Кончина святаго Сумеона Богопримца.

Мирная кончина св. Сумеона Богопримца служитъ великимъ утѣшеніемъ для умирающихъ о **Господѣ**. Сему старцу обѣщано было **Духомъ Святымъ**, замѣчаетъ Евангелистъ, **не видѣти смерти, прежде даже не видитъ Христа Господня** (Лук. 2, 26). Но когда родившійся Христосъ Спаситель принесенъ былъ въ храмъ, по обычаю законному, въ сороконовый день, тогда и св. Сумеонъ **приде въ церковь Духомъ Святымъ**, по внушенію Котораго узналъ въ принесенномъ Отрочати **обѣтованнаго Христа Господня**. Принявъ на свои

•

руки Богомладенца—*утѣху Израиля* и чаяніе языковъ, св. Симеонъ Богопріимецъ изъ глубины души могъ воззвать къ Богу: *нынѣ отпущаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему—съ миромъ; яко видѣсть очи мои спасеніе Твое, еже еси уготовалъ предъ лицемъ всѣхъ людей.* Значитъ, только при ясномъ созерцаніи вѣчнаго спасенія, уготованнаго и совершающагося чрезъ воплотившагося Господа Іисуса Христа, исчезаетъ для насъ скорбный страхъ смерти и водворяется отрадный миръ въ душѣ умирающихъ.

Да, страшна, очень страшна для насъ смерть сама по себѣ. Хотя она уже давно знакома роду человѣческому; тѣмъ не менѣе человѣчество не могло и не можетъ само собою привыкнуть къ ней. Напротивъ, всеобщность и повсюдность смерти сдѣлали только то, что въ человѣческомъ воображеніи она представляется иногда въ образѣ ужаснаго страшилища, которое съ блѣднымъ видомъ взираетъ на всѣхъ: на царей и рабовъ, на богачей и бѣдняковъ, на умныхъ и безумныхъ, на старость и молодость, на безобразіе и красоту,—и злобно точитъ лезвіе убійственной своей косы.

«И блѣдна смерть на всѣхъ глядитъ.

Глядитъ на всѣхъ—и на царей,

Кому въ державу тѣсны міры;

Глядитъ на пышныхъ богачей,

Что въ златѣ и сребрѣ кумиры;

Глядитъ на прелесть и красы;

Глядитъ на разумъ возвышенный;

Глядитъ на силы дерзновенны,—

И точить лезвіе косы.

Святая вѣра въ Господа Христа ослабляетъ въ насъ этотъ естественный страхъ смерти именно тѣмъ, что прямо называетъ ее нашимъ врагомъ, и притомъ—*послѣднимъ*; не подавляя и не насилая нашего отвращенія отъ смерти, она уподобляетъ ее змѣѣ, вооруженной ядовитымъ жаломъ. Подобенъ ему (Христу) царствовать, дондеже положитъ вся враги подъ ногама своимъ. *Послѣдній же врагъ смерть* (1 Кор. 15, 25—26); тогда будетъ слово написанное: *пожертва бысть смерть побѣдою. Гдѣ ти, смерте, жало* (—ст. 55)? Святая Вѣра увѣряетъ насъ, что смерть вошла въ міръ не по волѣ и дѣйствию Творца (Премудр. 1, 13), а въ слѣдствіе человѣческаго грѣха: *единьмъ чловѣкомъ грѣхъ въ міръ вниде и грѣхомъ смерть, и тако смерть во вся чловѣки вниде* (Римл. 5, 12). Пришлый врагъ этотъ—смерть во всѣ времена *царствова* (—ст. 14) надъ людьми, и донынѣ съ равною силою поражаетъ насъ: въ этомъ отношеніи всѣ люди, какъ вѣрующіе, такъ и не вѣровавшіе во Христа, приносятъ ей одинаковую дань. Различіе только послѣдовало въ отношеніи къ самой смерти. Съ явленіемъ въ міръ Христа Спасителя, служащаго источникомъ жизни для приходящихъ къ Нему и соединяющихся съ Нимъ, ужасный врагъ нашъ—смерть, поправный смертію Христовою, уже обреченъ на совершенное нѣкогда пораженіе; до окончательнаго

своего уничтоженія онъ дѣйствуетъ нынѣ не столько для себя, сколько для видовъ своего Побѣдителя. Якоже о Адамъ вси умираютъ, такожде и о Христѣ вси оживутъ (1 Кор. 15, 22); подобаетъ бо тлѣнному сему обещися въ не-тлѣнїе, и мертвенному сему обещися въ бессмертіе (ст. 53). Подобаетъ, т. е. это неизбѣжный законъ, происшедшій въ слѣдствіе паденія прародителей нашихъ, чтобы люди переходили къ бессмертію непременно чрезъ смерть; значить, сему закону, хотя чисто случайному, нужно покоряться безропотно, какъ бы это ни было тяжело.

Точно, весьма тяжело и болѣзненно для чело-вѣка разлученіе души отъ тѣла и разрушеніе самаго тѣла; оно глубоко возмущаетъ духъ нашъ. Кто, въ самомъ дѣлѣ, при грустной картинѣ умирающаго, могъ сохранить равнодушїе?—Кого не пронзало нѣкоторое безотчетное содроганіе? Кто могъ скрыть при этомъ невольную слезу, которую выдавливааетъ какая-то ужасная сила?—Что же обыкновенно чувствуетъ самъ умирающій?... Видно, что смерть раздѣляетъ и разрушаетъ то, что не должно быть раздѣлено, что назначено для всегдашняго существованія. Такъ наше тѣло весьма тѣсно и существенно соединено съ душою; вмѣстѣ съ тѣломъ и при его посредствѣ развивается наша душа. Нельзя посему смотрѣть на тѣло, какъ на внѣшнее жилище; нѣтъ! это живой сотрудникъ и неотлучный спутникъ души. Съ нимъ душа наша такъ осваивается и роднится, что ей больно раз-

статься съ нимъ: *сущи въ тѣлѣ семъ воздыхаемъ отягчаеми, понеже не хотимъ совлещися, но пооблещися* (2 Кор. 5, 4). Не говоря уже о людяхъ, не озаренныхъ свѣтомъ божественнаго Откровенія, даже люди знакомые съ христіанскими понятіями громко высказывали эту боль, проникающую и душу и тѣло. Такъ, одинъ, не въ состояніи будучи представить иныхъ условій нашего существованія, скорбно спрашиваетъ о томъ, что будетъ жизнь нашего духа безъ этого сердца, которое теперь бьется въ нашей груди, безъ этихъ чувствъ тѣла, чрезъ которыя мы теперь видимъ и ощущаемъ здѣшнюю жизнь?

«Спаситель, Спаситель!

Чиста моя вѣра,

Какъ пламя молитвы;

Но, Боже, и вѣрѣ

Могила темна!

Что слухъ мой замѣнить?

Потухшія очи?

Глубокое чувство

Остывшаго сердца?

Что будетъ жизнь духа

Безъ этого сердца?

. . . . .

. . . . .

Прости-жь мнѣ, Спаситель,

Слезу моей грустной

Вечерней молитвы:

Во тьмѣ она свѣтитъ

Любовью къ Тебѣ.

Другой, представляя себя на мѣстѣ покойника, когда бездыханное тѣло кладутъ въ гробъ, опускаютъ въ могилу, зарываютъ въ землю и представляютъ гніенію, невольно сознается, что это такъ больно и обидно для самой души!

«Мнѣ мысль о смерти тяжела,
Не то, чтобъ жизнь была мила....
Но вотъ, когда вообразу,
Что мертвый я въ гробу лежу,
Что крышкою его накрыли,
И въ крышку гвозди вколотили,
И въ землю гробъ спустили мой,
Да и засыпали землей,
Душѣ обидно, такъ и больно,
И тѣло дрожь беретъ невольно!»

Сама Церковь, вполне знающая слабость природы нашей, не воспрещаетъ похристіански скорбѣть и проливать слезы при видѣ смерти; напротивъ, даетъ свободу прилично выражать скорбь и какъ бы выплакивать свое горе. Вотъ слова, которыя она влагаетъ въ наши уста при погребеніи: «Плачу и рыдаю, ввсегда помышляю смерть и вижу во гробѣ лежащую, созданную по образу Божію, нашу красоту, безобразну, безславну, неимущую вида. О чудесе, что се, еже о насъ, бысть таинство? Како сопрягохомся смерти, како предахомся тлѣнію?...»

Такія скорби и рыданія при видѣ смерти, такъ или иначе, но всегда заявляются живыми сердцами человѣческими; и едвали кто осмѣлится бро-

силь въ нихъ камень упрека. Если бѣ у насъ при этомъ не было никакихъ скорбей и рыданій, то не нужно было бы и утѣшать насъ. Но вѣра въ Господа нашего Иисуса Христа спѣшитъ успокоить духъ нашъ, возмущающійся видомъ смерти: *не хочу васъ, братіе, не вѣдѣти о умершихъ, говорить словомъ Господнимъ св. Апостоль Христоу, да не скорбите, якоже и прочіи не имущіи упованія. Аще бо вѣруемъ, яко Иисусъ умре и воскресе, тако и Богъ умершія во Иисусѣ приведетъ съ Нимъ* (1 Солун. 4, 13—14). Утѣшительно для насъ не только то, что наши тѣла непременно воскреснутъ, какъ воскресъ Иисусъ Христосъ: но и то, что онѣ опять соединятся съ нашими душами. Какъ сѣмя, истлѣвшее въ землѣ, оживаетъ и *коемуждо сѣмени Богъ дастъ свое тѣло* (1 Кор. 15, 36 и 38); такъ точно оживутъ тѣла умершихъ, и каждой душѣ дано будетъ свое тѣло. Примѣнительно къ состоянію измѣненнаго (2 Петр. 3, 10 и 13) и обновленнаго неба и земли (Апок. 21, 1), тѣла наши будутъ тогда прославлены и одухотворены: *сѣется въ тлѣніе, востаетъ въ славу; сѣется въ немощи, востаетъ въ силѣ; сѣется тѣло душевное, востаетъ тѣло духовное* (1 Кор. 15, 43—44).

Самая жизнь наша на землѣ, и своими обстоятельствами внѣшними и переменными въ тѣлесномъ организмѣ, по видимому, подготавливаетъ челоуѣка къ мирному переходу въ загробный міръ. Такъ, вѣрѣдко внѣшнія обстоятельства до того стѣсни-

тельны и непріятны, что не радъ бываешь жизни; кажется, спокойно простился бы съ нею, еслибъ только явилась смерть!

«Я трачу жизнь, теряю силу,
И самъ себѣ свою могилу,
Тоскуя, вырыть бы я радъ,
И гробъ почель бы я за кладъ!
Со всѣхъ сторонъ грозой пугаютъ!
Горю, томлюсь—покоя нѣтъ!
Кричу, зову—не отвѣчаютъ;
Прошусь въ могилу—не пускаютъ».

А если заглянуть въ дома несчастныхъ, лишенныхъ дневнаго пропитанья, если прислушаться къ стомамъ увѣчныхъ, разслабленныхъ: съ какимъ усиленіемъ призываютъ они къ себѣ смерть! А она, неумолимая, какъ бы не дорожитъ этими вѣрными жертвами своими: стучится туда, куда ее не просятъ; вторгается туда, куда ее не пускаютъ. Но въ подобныхъ призываніяхъ смерти высказываются только чувства скорби, наболѣвшія въ душѣ, или ощущенія невыносимыхъ страданій; о будущей жизни здѣсь почти нѣтъ и мысли. Если бъ смерть дѣйствительно явилась на призывъ этихъ несчастныхъ; то они, конечно, попросили-бъ ее только облегчить тяжелую ихъ ношу.

Впрочемъ и въ самомъ благопріятномъ положеніи, при полномъ счастьи, наша природа съ лѣтами отказывается намъ служить; она какъ будто утомляется, а потому дѣлается равнодушною ко всѣмъ благамъ земнымъ. Въ преклонныхъ лѣтахъ,

съ ослабленіемъ тѣлесныхъ отправленій, угасаетъ пылкость воображенія, притупляется чувство къ тѣмъ радостямъ, которыя такъ услаждали нашу юность и лѣта мужества; такъ что онѣ становятся уже докучливыми и вызываютъ теперь не ту искреннюю улыбку, какъ прежде, а совершенно другую, выказывающую сожалѣніе, или насмѣшку, или даже отвращеніе.... «Безъ этой заботливости природы», сказано въ одномъ изъ современныхъ журналовъ медицинскихъ, «последнія минуты нашей жизни были бы полны ужаса и отравлены горькимъ сожалѣніемъ о жизни; смертный одръ сдѣлался бы жестокою пыткой и человѣкъ былъ бы лишенъ возможности передать душу свою тихо и покорно неизбѣжной судьбѣ (?). Старецъ, который отжилъ назначенные ему Творцемъ дни, согласно требованіямъ природы и своего тѣлосложенія, умираетъ обыкновенно безъ страданій, какъ душевныхъ, такъ и тѣлесныхъ; для него смерть не что иное, какъ непрерывный, ничѣмъ не тревожимый сонъ, доставляющій ему вѣчный отдыхъ» (*).

Да проститъ намъ почтенный издатель общепонятной медицины, если мы скажемъ прямо, что его представленіе, хотя бы оно иногда подтверждалось

(*) Прогр. Общеп. Медц. Журн., издав. докт. М. Ханомъ за 1861 г. стр. VI. «Изъ этой мысли, говоритъ издатель, которой я коснулся только съ медицинской стороны, проповѣдникъ, какъ мнѣ кажется, могъ бы развить превосходную рѣчь о мудрыхъ законахъ Творца и о путяхъ, которыми природа достигаетъ своей цѣли». Г. докторъ воображаетъ, кажется, что природа человѣческая неповреждена грѣхомъ; а потому не видитъ въ смерти явнаго уклоненія отъ первоначальныхъ законовъ и путей, указанныхъ намъ Богомъ.

опытомъ, не можетъ составлять общаго правила: оно ни мало не оправдывается общечеловѣческимъ сознаниемъ и совершенно не согласно съ учениемъ Вѣры Христовой. Зачѣмъ бы Церковь молила Бога о дарованіи намъ «кончины безболѣзненной, непо- стыдной и мирной», еслибъ это было непремѣн- нымъ дѣломъ самой природы? Въ самой глубокой старости сохраняется непреодолимая жажда жизни; тѣмъ болѣе никогда не уничтожается въ насъ рас- положеніе ко всему тому, что поддерживало и услаждало нашу жизнь. Положительно утвержда- емъ, что смерть не естественна для человѣка, соз- даннаго въ неистлѣніе (Премудр. 2, 23). *Богъ смерти не сотвори* (Премудр. 1, 13); а слѣдова- тельно явленіе ея есть жалкое несчастіе, которое, очевидно, не входило въ число «мудрыхъ законовъ Творца и путей, ведущихъ нашу природу къ на- значенной цѣли». Иное дѣло, еслибъ человѣкъ остался въ первобытномъ состояніи, еслибъ не былъ зараженъ грѣхомъ; тогда бы наше тѣло безъ всякихъ страданій постепенно измѣнялось и одухо- творялось вмѣстѣ съ развитіемъ души. А душа на- передь могла бы предвидѣть будущую свою жизнь и безъ всякаго смущенія и сожалѣнія переходить изъ области земной въ міръ небесный. Но теперь, за болѣзнями и страданіями тѣла, постепенно раз- рушающагося, душа не видитъ небеснаго міра и не въ силахъ представить его блага (1 Кор. 2, 9); а все то, что окружаетъ ее здѣсь, и природа и лю- ди, ей такъ извѣстно! Одна эта извѣстность, хотя

бы не было особеннаго пристрастія къ здѣшнему міру, притягиваетъ человѣка къ нему и отвращаетъ отъ той *спьни смертной*, которая закрываетъ будущій міръ и будущую жизнь. Вообразите при этомъ, что умирающій не имѣетъ богооткровенныхъ увѣреній въ дѣйствительности загробнаго міра. Ахъ, бѣдныя язычники! Понятенъ для насъ мрачный взглядъ вашъ на смерть; понятна эта глубокая печаль, которая давила ваше сердце при раставаніи съ здѣшнимъ міромъ. Вы подобны были пловцамъ, которые увлечены бурей на средину моря и не знаютъ опредѣленно, куда занесутъ ихъ волны,—къ берегу ли обитаемой страны, или къ гибельной пучинѣ. Замѣчательно, что даже у Іудеевъ, которымъ даны были отъ Самаго Бога ясныя свидѣтельства о вѣчной жизни (Быт. 47, 9; 49; 29; см. Евр. 11, 13—16; Мо. 22, 32), понятія о смерти отзывались замѣтною грустію (Іов. 10, 21—22). Старецъ Сумеонъ, воспитанный въ законѣ іудейскомъ, находитъ успокоеніе при смерти не въ преклонности лѣтъ своихъ и не въ показаніяхъ іудейскаго закона, но единственно въ созерцаніи обѣтованнаго Мессіи: *яко видѣсть очи мои спасеніе Твое*. Дѣйствительно, только съ пришествіемъ на землю Спасителя міра, Іисуса Христа, принявшаго въ личность Божества человѣческую природу, человѣчество могло успокоиться за свою будущность. Обѣтованный Искупитель рода *человѣческаго пріискреннѣ пріобщился нашей плоти и крови, да смертію упрядниши и муцаго*

державу смерти (Евр. 2, 14). Здѣсь успокоиваютъ вѣрующую душу уже не обѣтованія, не слова, а самое дѣло, дѣйствительное явленіе Виновника жизни. Христіанинъ теперь знаетъ, что *животъ его сокровенъ со Христомъ* (Колос. 3. 3), Который въ святыхъ тайнахъ Своего тѣла и крови приближается къ одру умирающаго и соединяется съ его душою. Какъ сердцеѣдецъ, Спаситель знаетъ всю трудность переселенія нашего въ новый, еще невѣдомый для насъ, міръ; а потому, ни мало не осуждая нашего смущенія, Онъ только усиливаетъ Свои божественныя увѣренія: *да не смущается сердце ваше, вѣруйте въ Бога и въ Мя вѣруйте. Въ дому Отца Моего обители многи суть* (Іоан. 14, 1 и 2); *аминь, аминь глаголю вамъ, яко слушающій словеса Моего, и вѣрующій повлашшему Мя имать животъ вѣчный, и на судѣ не приидетъ, но преидетъ отъ смерти въ животъ* (— 5, 24). Не даромъ эти святыя увѣренія такъ глубоко падаютъ на вѣрующую душу умирающаго и превращаютъ естественныя—горькія слезы его въ сладостныя слезы душевнаго умиленія и утѣшенія. Предавая духъ свой Христу Спасителю, христіанинъ отъ избытка своей вѣры можетъ сказать: *аще и пойду посреде стѣни смертныя, не убоюся зла; яко Ты, Господи, со мною* (Псал. 22, 3); *аще живемъ, аще умираемъ, Господни есмь* (Римл. 14, 8).

Остается еще одинъ предметъ, который можетъ устрашать умирающихъ и предъ которымъ не ина-

че можно успокоивать себя, какъ только живою вѣрою въ Христа Спасителя. Это—судь. *Лежитъ* *человѣку единою умерти, потомъ же судь* (Евр. 9, 17). Согласимся, что вы провели свою жизнь въ страхъ Божіемъ, неутомимо заботились о благѣ своихъ ближнихъ, ревностно очищали себя отъ всякія скверны плоти и духа. Вашъ одръ окружаютъ съ уваженіемъ и любовію. Слѣдуетъ отсюда только то, что вы не даромъ тяготили землю, что вы спокойно можете оглянуться на прошедшіе дни; но такъ ли спокоенъ вашъ взглядъ, обращенный впередъ—къ небесному Судіи, Который знаетъ не только дѣла наши, но и тайныя помышленія и желанія? О, здѣсь только глубокая вѣра и твердая надежда на Христа Спасителя могутъ служить защитою для насъ! Симеонъ Богопріимецъ, по свидѣтельству Писанія, *бъ мужъ праведенъ и благочестивъ* (Лук. 2, 25); но въ послѣднія минуты своей жизни онъ какъ бы забывалъ о дѣлахъ своего благочестія. Его взоры теперь устремились на одного Христа Спасителя и только въ Немъ одномъ видятъ спасеніе. Подобнымъ образомъ и всѣ святыя люди, при своей кончинѣ, находили для себя успокоеніе единственно въ заслугахъ Искупителя нашего Иисуса Христа. Здѣсь только любящая и незапятнанная душа ихъ обрѣтала для себя то *дерзновеніе къ Богу* (1 Іоан. 5, 21), по которому могла говорить въ наставленіе другихъ: *время моего отшествія наста. Подвигомъ добрымъ подвизахся, теченіе скончашъ, вѣру соблюдохъ.*

Прочее убо соблюдается мнѣ вънецъ правды, еликоже воздасть ми Господь въ день онъ, праведный Судія, не токмо же мнѣ, но и всѣмъ возлюбльшимъ явленіе Его (2 Тим. 4, 7—8).

О, даль бы Богъ каждому изъ насъ, во время всей жизни, особенно же въ минуты смертной борьбы, очами вѣры созерцать Христа Спасителя, Господа нашего! Въ Немъ заключается спасеніе наше и вѣрнѣйшая защита отъ всѣхъ ужасовъ, какіе наводитъ на насъ смерть.

А. І.

СОДЕРЖАНІЕ: I) Канонъ на Срѣтеніе Господне. II) Кончина святаго Сумеона Богопріимца.

«Вятскія Епархіальныя Вѣдомости» выходятъ два раза въ мѣсяцъ. Цѣна годовому изданію, въ Редакціи 4 р., а съ доставкою на домъ, въ г. Вяткѣ, или съ пересылкою въ другія мѣста,—5 рубл. Подписка принимается въ Редакціи сихъ Вѣдомостей, которая помѣщается въ зданіяхъ *Вятской духовной семинаріи.*

Редакторъ, Ректоръ семинаріи, Архимандритъ *Іосифъ.*

Дозволено цензурою. 15 января 1868 года.
Вятка. Въ типографіи К. Блинова.